

Близится к концу XX, едва ли не самое парадоксальное и противоречивое по своим результатам столетие человеческой истории. Век разума и безумия, фантастического научно-технического прогресса и невиданного насилия над природой и человеком, величайших социальных экспериментов и глубочайших разочарований в их последствиях.

Его нередко называют также веком революций, ибо никогда прежде мир не знал такого числа общественных взрывов и потрясений, отразившихся на судьбах сотен миллионов людей. При этом особое место в их длинной череде всегда отводилось трем российским революциям, цикл которых открыли бурные события 1905 года. Они как бы задали тон всему XX веку, определив основной вектор мирового развития, и стали, по утверждениям официальных идеологов недавнего прошлого, безальтернативной моделью международного революционного движения и эталоном для всех других стран. Что же касается далеко не однозначных последствий российских революций, их исторической цены и издержек, а также ошибок и просчетов революционеров, то об этом у нас долгое время предпочитали просто не говорить, фактически оставляя анализ этих проблем западным историкам и политологам.

Однако то, что на рубеже 80 — 90-х годов произошло в России и во всем мире, бросило тень сомнения на все прежние оценки. Десятилетиями поддерживавшийся подобно священному огню культ революции и революционеров был официально низвергнут, социализм объявлен утопией, а марксистско-ленинская интерпретация истории — фальсификацией. Понятно, что главный удар пришелся по Октябрьской революции, которую низвели до уровня национальной катастрофы, трагического обвала, чуть ли не бандитского путча, совершенного вдобавок на немецкие деньги. Приклеить аналогичные ярлыки к событиям 1905 года оказалось сложнее: в них было слишком много стихийного демократизма, поистине безбрежного идеологического плюрализма и всеобщего стремления к обновлению страны, чтобы все происшедшее можно было объяснить только зловещими происками смутьянов-большевиков и кучки их вождей.

В самом деле, если в 1905 году Россия просто вернулась ко временам разинщины и пугачевщины, к бессмысленному и беспощадному, как выразился однажды Пушкин, русскому бунту, откуда тогда появилась та революционная эйфория, искреннее возмущение самодержавным строем, восхищение поднявшимся на борьбу с ним народом, которыми были охвачены в то время многие лучшие представители русской интеллигенции, мечтавшие о красоте и гармонии человеческих отношений? Почему, спрашивается, Валентин Серов, автор самого романтического портрета Николая II, создал в 1905 году обличительный рисунок «Солдатушки, бравы ребятушки», выразив в нем протест против использования армии для расправы с восставшим народом, запечатлел грандиозное народное шествие в Москве во время похорон большевика Николая Баумана и присоединился к тем, кто требовал отставки с поста президента Академии художеств великого князя Владимира — главного организатора расстрела народа 9 января? Кто подсказал Александру Скрябину эпиграф «Вставай, подымайся, рабочий народ!» к его знаменитой «Поэме экстаза», навеянной, по его собственному признанию, революционными событиями 1905 года? Что заставило изысканнейшего русского поэта-символиста, дворянина Константина Бальмонта написать в октябре 1905 года знаменитые строки: «Рабочий, только на тебя надежда всей России»? И число подобных примеров можно было бы многократно умножить.

Конечно, многое здесь следует отнести на счет интеллигентского импрессионизма, минутного романтического порыва, опьянения непривычной для россиян свободой, отвоёванной в 1905 году народом у царской власти. И все же нельзя не признать, что на пустом месте подобные настроения не возникают, и абстрагироваться от них при оценке

¹ ТЮТЮКИН Станислав Васильевич — главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

событий тех памятных в истории России лет никак невозможно.

А как объяснить ту волну горячего сочувствия демократическим силам нашей страны, которая прокатилась в 1905—1907 годах буквально по всему миру? Что привлекало к ним симпатии столь разных людей, как Анатоль Франс и Махатма Ганди, Джек Лондон и Сунь Ятсен, Карл Каутский и Бернард Шоу, Жан Жорес и Огюст Роден? Почему, наконец, таким популярным стал тогда на Западе призыв учиться «говорить по-русски», то есть овладевать теми же методами борьбы за права трудящихся, которые применялись в 1905 году в России?

В свете этих неоспоримых фактов отрекаться от демократического наследия первой российской революции и вычеркивать ее из родословной российской свободы было бы бессмысленно и просто неумно даже со стороны тех, кто не питает сегодня ни малейшей любви к революции как методу проведения общественных преобразований. Напомним в этой связи ту характеристику, которую дал недавно царизму лидер партии «Демократический выбор России» Е. Гайдар в своей книге «Государство и эволюция»: «Архаичный, оцепенело застывший, впадающий в маразм и до мозга костей коррумпированный царский режим был обречен — в начале века это было очевидно всем», — пишет он. И заключает: реальный вопрос заключается лишь в том, какой характер эта неизбежная революция примет (*цит. по:* «Вечерняя Москва», 18 ноября 1994 года).

Тем не менее в оценках революции 1905 года преобладают сейчас сдержанное осуждение и порицание. Так, профессор Г. Попов считает, что возможность развития России по пути соглашений, компромиссов и реформ, открывшаяся во второй половине XIX — начале XX века, осталась неиспользованной «из-за позиции и линии демократических сил». Кроме того, он полагает, что хотя в 1905 году революция и стала неизбежной, но революционеры в ней «ничего не добились». Отсюда следует вывод: оптимален не путь революционных взрывов, а путь реформ, хотя бы это и были поэтапные, аппаратно-бюрократические преобразования в духе Александра II, которые Попов оценивает как «грандиозные» («Известия», 25 августа 1992 года).

Нельзя признать случайным и тот повышенный интерес, который был проявлен у нас в начале 90-х годов к сборнику «Вехи» (1909 год), весь пафос которого направлен против революции как дела нечестивого и глубоко безнравственного, против революционеров как людей безответственных, недальновидных и аморальных. Призыв к покаянию за содеянное в 1905 году, прозвучавший в «Вехах», стал руководством к действию для многих современных интеллигентов, вдруг пришедших к выводу, что все три российские революции, особенно октябрь 1917-го, были преступлением перед человечеством. Как отмечалось в январе 1993 года на международной конференции историков в Петербурге, в современной России даже возник новый культ «Вех» (многочисленные переиздания, комментарии, хвалебные статьи), хотя само по себе «веховство» — это в значительной мере фикция, поскольку авторы этого сборника придерживались различных точек зрения и в дальнейшем разошлись во взглядах на судьбы России (*см.* «Анатомия революции». СПб., 1994, стр. 411, 417). Характерно, что эта оценка прозвучала из уст западных ученых, которых трудно заподозрить в неприязни к русскому либерализму и особым симпатиям к революционерам.

Из исторического сознания народа сейчас старательно «вымывается» все так или иначе связанное с первой российской революцией. Любопытно, что в выпущенном в 1993 году календаре знаменательных исторических дат «От Рюрика до Ельцина» (автор Ю. Безелянский) среди главных политических событий 1905 года упомянуты «Кровавое воскресенье» (но не как начало революции, а лишь как расстрел мирного шествия петербургских рабочих к царю), восстание на броненосце «Потемкин» и царский манифест 17 октября, тогда как о всероссийской октябрьской политической стачке, Советах и декабрьских восстаниях в Москве и некоторых других районах России даже не упоминается.

Не менее показателен прием, использованный одним из московских радиокомментаторов, предложившим слушателям в день очередной годовщины начала революции познакомиться с кулинарными рецептами из известной поваренной книги госпожи Малаховец, которые должны были доказать, как сытно и вкусно ели у нас во времена «проклятого царизма» и как ужасно все стало после революции.

Заметим в этой связи, что накануне 1905 года в России действительно не было массового голода и на заработную плату квалифицированного рабочего можно было вполне сносно жить далее в «дорогом» (по уровню цен) Петербурге, не говоря уже о провинции. Однако не будем забывать, что миллионы крестьян-бедняков и малоквалифицированных рабочих вообще еле сводили концы с концами. Нет никаких оснований идеализировать жилищные условия, уровень медицинского обслуживания и возможности получения образования, которые имело большинство трудящегося населения России. Социальное страхование делало у нас тогда лишь первые шаги, а средняя продолжительность рабочего дня на 1 — 2 часа превышала соответствующие показатели развитых западных стран, причем часто этот разрыв, особенно с учетом различных сверхурочных работ, был намного больше.

При этом особенно возбуждающе действовали на народ огромный разрыв в уровне жизни «верхов» и «низов» российского общества, а также та пропасть, которая отделяла власть от простых людей. Кричащие различия в земельном обеспечении крестьян и помещиков, заработной плате рабочих и доходах предпринимателей, правовом положении различных сословий, национальностей и конфессий были тем динамитом, который рано или поздно должен был взорвать и в конечном счете взорвал самодержавный строй. И хотя в прошлом порой историки действительно нарочито сгущали краски, обличая царское самодержавие, сегодня, осудив подобные ненаучные приемы в работах советских исследователей, мы никак не должны впадать в другую крайность и рисовать жизнь народа при царизме лишь розовыми красками.

Уже стало признаком хорошего тона ругать революционеров за нетерпеливость и нетерпимость, прямолинейность и жестокость, недостаток политической культуры и страсть к разрушению, причем, естественно, особенно достается большевикам и лично Ленину. Нашлись свои адвокаты и у Николая II, который предстает теперь перед массовым читателем как добрый, умный и справедливый царь, причем на первый план выходит факт действительно зверской расправы уральских большевиков с бывшим императором, его женой и детьми, тогда как весьма посредственная 23-летняя государственная деятельность «хозяина земли русской» остается, как правило, в тени. Знаменем времени стали апологетика П. Столыпина, поиски высокого национально-патриотического начала в «черносотенном» движении, восхищение отечественным дворянством и купечеством. В итоге складывается впечатление, что с самого начала XX столетия наша страна по вине революционеров и сбитых ими с толку темных и диких народных масс пошла по ложному и глубоко трагическому пути, логически завершающемуся катастрофами наших дней.

Справедливости ради нужно сказать, что историки-профессионалы, серьезно занимающиеся проблемами первой российской революции, в общем и целом устояли перед этим поветрием, выпустив за последние годы несколько интересных книг, отмеченных стремлением к объективному, основанному на документальных источниках новому прочтению отечественной истории, освобожденному от идеологических штампов и откровенной политической конъюнктурщины (см. *Р.Ш. Ганелин. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция.* СПб., 1991; *П.Н. Зырянов. Петр Столыпин. Политический портрет.* М., 1993; *С.А. Степанов. Черная сотня в России (1905—1914 гг.).* М., 1991; *Л.Т. Сенчакова. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905—1907 гг. По материалам Центральные губерний.* Вып. 1 — 2. М., 1994 и др.). Однако книг такого рода становится с каждым годом все меньше и меньше, да и голос ученых, скажем прямо, звучит тихо и достаточно робко. И хотя нынешняя ситуация в России уже не слишком вдохновляет на прославление реформ и реформаторов, стойкое

предубеждение и даже открытое неприятие любых революций и революционеров пока еще остается.

ЕСЛИ РАНЬШЕ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ вступления России в начале XX века в длительный период революционных потрясений воспринималась как нечто само собою разумеющееся, то теперь все чаще звучит вопрос: а разве нельзя было избежать этих потрясений, повторив — в еще более широком масштабе и в лучшем, чем во времена Александра II, исполнении — «великие реформы», положительное влияние которых на судьбы России как будто не вызывает сегодня особых возражений? Зачем было революционерам и либералам разжигать страсти, дискредитировать правительство и будоражить народ, если они не имели навыков управления огромной страной, не могли договориться между собой и практически не контролировали стихийные действия масс? Не слишком ли велика была цена, которую пришлось заплатить в 1905 — 1907 годах народу, чтобы Россия сделала еще один шаг на пути превращения в цивилизованное государство?

Сегодня мы можем лишь выдвигать те или иные гипотезы относительно возможности предотвращения революции в России за счет проведения новых широкомасштабных реформ, быстрой и эффективной победы в какой-нибудь локальной войне или ужесточения карательных мер в отношении всех недовольных самодержавным строем. Но совершенно очевидно, что реформаторская альтернатива революции действительно имела в России в начале XX века определенные (хотя и не стопроцентные) шансы на успех. Вопрос заключается лишь в том, хотели ли проведения таких реформ мистически преданный идее неограниченной самодержавной власти царь Николай II, его ближайшее окружение, верхушка бюрократии и главная социальная опора царизма в лице поместного дворянства? Но именно здесь нас ждут, пожалуй, наибольшие разочарования.

На рубеже XIX—XX веков процесс модернизации страны по западному образцу, начатый еще Петром I, переживал очередной кризис, для выхода из которого требовались либо новые мощные импульсы, исходящие от самой власти, либо вмешательство в него общественных сил вплоть до самых глубоких «низов», то есть революция. Однако Николаю II было далеко до своих более энергичных и удачливых венценосных предков. В этом сходились самые разные люди, близко знавшие последнего русского царя, начиная от одного из крупнейших государственных деятелей России С. Витте и кончая известной балериной М. Кшесинской, которая не раз говорила своему возлюбленному, тогда еще наследнику престола, что он «не сделан ни для царствования, ни для той роли, которую волею судеб он должен будет играть» (*М. Кшесинская. Воспоминания. М., 1992, стр. 54*).

Говоря о реформаторской деятельности трех последних Романовых, трудно отделаться от мысли, что, перенося на родную землю последние достижения западной цивилизации, они в первую очередь пытались обмануть историю и избежать весьма неприятных для самодержавия социально-политических последствий проводимых преобразований: создать современную промышленность и железные дороги, но спасти страну от «язвы пролетариата», насадить просвещение, но обойтись без интеллигентского вольномыслия, дать армии и флоту новейшее вооружение, но иметь при этом сытого крестьянина. Идеалом правящих кругов России были «серые» мужики, «немые» интеллигенты, роботы-рабочие. Что же касается так называемых «инородцев», то их с радостью превратили бы в людей без собственного языка, веры и обычаев, оставив в лучшем случае лишь яркие национальные одежды, способные радовать глаз царя во время разного рода торжественных церемоний.

Однако реформы имели свою неумолимую логику и, брошенные на полпути, жестоко мстили незадачливым реформаторам, превращая Россию в какого-то мифического полувосточного, полуазиатского кентавра, которому так и не суждено было догнать вечно маячивший впереди Запад.

Наверное, мы были бы несправедливы к Николаю II, оценивая все первое десятилетие его царствования (1894—1904 годы) сквозь призму печально знаменитой фразы о

«бессмысленных мечтаниях», вырвавшейся у царя в январе 1895 года на приеме общественных деятелей в ответ на призывы ряда земств к некоторой либерализации политического режима в России. Нельзя сбрасывать со счетов ни целой серии перспективных экономических преобразований, начатых в то время по инициативе министра финансов Витте, ни новых шагов в проведении традиционной «попечительной» политики в рабочем вопросе (законодательное ограничение продолжительности рабочего дня 11,5 часа, страхование от увечий, полученных на производстве). Положительное значение имели мероприятия по упорядочению переселенческого дела, отмена круговой поруки членов крестьянской общины при уплате налогов и т.д. Не будем забывать и о такой важной акции Николая II, как инициатива в деле созыва Гаагской мирной конференции 1899 года, которая должна была способствовать смягчению международной напряженности, разоружению и запрещению наиболее бесчеловечных способов ведения войны.

Достаточно велик был и «портфель» различных пока еще не реализованных правительственных законопроектов. Так, в процессе обсуждения находились вопросы о свободном выходе крестьян из общины, продолжении земской реформы, пенсионном обеспечении рабочих и т.д. Однако в длинных и запутанных коридорах российской власти было слишком много тупиков и темных закоулков, где при отсутствии гласности на долгие годы могло застрять самое разумное и обоснованное предложение: слишком велики были трения между различными ведомствами, прежде всего между министерствами внутренних дел и финансов, слишком сильна инерция бюрократической машины, слишком значительно влияние закулисных консервативных сил на монарха и его ближайших советников.

Показательна в этом плане судьба известного зубатовского эксперимента в духе «полицейского социализма», который пришлось свернуть из-за протестов российских и особенно западных предпринимателей, а также из-за борьбы различных группировок внутри самой царской администрации, хотя поначалу у Зубатова и были определенные шансы на успех в его попытках взять под правительственный контроль быстро набиравшее силу рабочее движение.

Бросается в глаза, как ревниво оберегали вершители судеб тогдашней России две заповедные законотворческие зоны, у входа в которые было написано: самодержавно-абсолютистская власть и помещичье землевладение. Прикасаться к этим больным вопросам было практически запрещено, чем не замедлили воспользоваться революционеры и либеральные оппозиционеры, предложившие собственные (хотя, конечно, не бесспорные) варианты решения этих острейших социально-политических проблем.

В беседе с московским предводителем дворянства князем Трубецким в начале декабря 1904 года Николай II достаточно четко определил свое отношение к возможности введения в России конституционного правления. «Не для меня, конечно, не для меня — для России, я признал, что конституция привела бы сейчас страну в такое положение, как Австрию. При малой культурности народа, при наших окраинах, еврейском вопросе и т.д. одно самодержавие может спасти Россию. Притом мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, тогда — я вас поздравляю, господа» (*цит. по: К. Ф. Шацкило. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация, программы, тактика, М., 1984, стр. 309*).

12 декабря 1904 года после долгих колебаний и совещаний Николай II подписал указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Он рождался в сомнениях, спорах, борьбе различных группировок высшей бюрократии и призван был как-то успокоить общественность, возбужденную военными неудачами на Дальнем Востоке, «банкетной» кампанией либерально-демократической интеллигенции и стачками рабочих. И что же? Лейтмотивом этого программного документа был тезис о «непременном сохранении незыблемости основных законов империи». В очень

неопределенной, расплывчатой форме царь обещал устранить сословные ограничения для крестьян, несколько расширить права земств и городских дум, ввести государственное страхование рабочих, сократить масштабы применения положения о чрезвычайных административных мерах на территории страны, проявлять веротерпимость, отменить «излишние» стеснения печати и ограничения для «иностранцев».

На первый взгляд перед нами широкая программа реформ в самых разных сферах жизни общества. Однако в ней не было ни звука о земле, политической свободе, конституции, парламенте. Даже робкие предложения министра внутренних дел Н. Святополка-Мирского ввести в состав законосовещательного Государственного совета выборных от земских собраний и осуществить наконец те меры, которые советовали в свое время предпринять Александру II П. Валуев и М. Лорис-Меликов, в последний момент были Николаем II отвергнуты, поскольку он увидел в них первый шаг к ненавистной ему конституции. В итоге царский указ никого не успокоил и революцию не предотвратил.

До самого последнего момента царь продолжал тешить себя иллюзиями, что в стране наблюдается лишь «маленькая расшатанность» и стоит только запретить всякие сборища и либеральную «болтовню», как все успокоится. Явно недооценил Николай II и силу Японии, поддавшись уговорам тех, кто советовал держаться с японцами более агрессивно и бескомпромиссно. В результате Россия получила в 1904 году совершенно ненужную ей войну, поражение в которой еще более обострило внутривластную ситуацию в стране.

Неправильно была оценена обстановка и накануне 9 января 1905 года, когда в верхах возобладало мнение о необходимости дать народу кровавый урок, чтобы надолго отбить у него охоту жаловаться на беззаконие и нужду (тем более в условиях войны и экономической депрессии). При этом не может быть и речи о том, что Николай II ничего не знал о надвигавшейся трагедии. 8 января, находясь с семьей в Царском Селе, он записал в дневнике, что в Петербурге забастовало до 120 тысяч рабочих, во главе которых стоит «какой-то священник-социалист Гапон», и что министр внутренних дел Святополк-Мирский проинформировал его о «принятых мерах» («Дневник императора Николая II». М., 1991, стр. 246). Как известно, Гапон просил царя принять петицию рабочих, но высочайшего ответа на это обращение так и не последовало.

Что определяло в тот момент поведение Николая? Страх, высокомерие, надежда на то, что «не посмеют» и авось пронесет? Кто знает, но факт остается фактом: царь, бесспорно, упустил еще одну возможность отсрочить (а может быть, и вообще избежать?) революционный взрыв в России. Ведь на стороне Николая II были такие факторы, как величайшая неприязнательность, терпение, религиозность и доверие подавляющего большинства русского народа к своему монарху. Не будем забывать, что столичные рабочие в массе своей были отрезаны в тот момент Гапоном от влияния социалистических партий, обессиленных вдобавок внутренними распрями. Нельзя всерьез говорить и о том, что к началу революции в России были причастны японцы: они действительно тратили некоторые суммы на активизацию деятельности российских либеральных и революционных организаций, но к событиям 9 января 1905 года отношения не имели (см. Д.Б. Павлов, С.А. Петров. Японские деньги и русская революция. — «Тайны русско-японской войны». М., 1993).

РАССТРЕЛ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ, направлявшихся к Зимнему дворцу для подачи петиции царю, вызвал резкий перелом в настроении народа. В России началась революция.

Ее вызвали к жизни прежде всего глубокие объективные причины: противостояние императорской власти огромному большинству нации (включая и значительную часть ее имущих слоев), которое не устраивал самодержавный режим; жгучий вопрос о судьбе помещичьего землевладения; острейший конфликт между трудом и капиталом; кризис имперской системы отношений между центром и провинцией, метрополией и

национальными районами; резкое падение престижа официальной правительственной идеологии (православие, самодержавие, народность) в образованной части общества. Налицо был глубокий и всеохватывающий общенациональный кризис, так и не получивший своего разрешения вплоть до 1917 года. И именно в этом широком общеисторическом контексте и нужно рассматривать первую российскую революцию, которая стала наказанием «верхам» за их неспособность адекватно ответить на вызов времени и вместе с тем дала «низам» реальный шанс реализовать свои представления о социальной справедливости и свободе.

По меньшей мере странно выглядит содержащееся в послесловии Б. Ельцина к книжке Ю. Лужкова «72 часа агонии» утверждение, будто революция 1905 года была «русской большевистской революцией» (см. Ю. Лужков. 72 часа агонии. М., 1991, стр. 104). По-видимому, как это не раз бывало, и здесь помощники «подставили» своего президента. Не надо быть специалистом-историком, чтобы знать очевидную истину: революцию в России развязали не большевики, вообще не революционеры и не либералы, хотя роль субъективного фактора в событиях 1905—1907 годов и была непропорционально велика по сравнению с удельным весом членов антиправительственных организаций в общей массе населения страны (напомним, что на 130—140 миллионов жителей империи приходилось в январе 1905 года в лучшем случае лишь несколько тысяч революционеров всех направлений). Почва для революции была подготовлена веками крепостничества, хищничеством первоначального накопления, великодержавной русификаторской политикой в национальных регионах и тем культурно-бытовым расколом, который произошел в российском обществе еще в XVIII—XIX веках. Что касается либерально-демократических и революционно-социалистических идей, представлявших собой сложный продукт переработки отечественной общественно-политической мыслью заимствованного с Запада идеологического материала, то они послужили мощным катализатором указанных выше объективных процессов, а воспринявшие их партии и организации попытались (иногда удачно, иногда неудачно) сыграть роль политических руководителей стихийного движения народных масс.

В 1905—1907 годах в России произошел настоящий взрыв массовых социальных движений, оставивший далеко позади все, что знала отечественная да и мировая история. Официальная, заведомо неполная и несовершенная статистика зафиксировала в те годы свыше 4 миллионов стачечников (фактически же их было, вероятно, не менее 8—10 миллионов человек). Историки выявили не менее 26 тысяч крестьянских выступлений с миллионами участников, несколько сот солдатских и матросских бунтов и волнений, многочисленные проявления протеста средних городских слоев, интеллигенции, студенчества.

Картина этих движений была достаточно пестрой: в них причудливо переплетались организованность и стихийность, высокие идеалы и смешные предрассудки, рациональное начало и черты традиционного русского бунта с его беспощадностью, диким озлоблением и совершенно бессмысленной порой тягой к тотальному разрушению. Но вспомним слова очевидца и участника событий тех лет Н. Бердяева из статьи, которая в наши дни повышенного интереса к этому мыслителю нигде и никем не упоминается: «В русской революции много своеобразия. Велика эта революция по силе зла и неправды, которые она призвана историей уничтожить, и полна она высшего смысла и всемирного значения. Но русская революция в некоторой своей части может оказаться самой некультурной из всех революций мира, в ней легко может соединиться великая правда и подвиг с неправдой и неблагородством. И об этом нужно говорить открыто, искренне и правдиво... И не официальной, гнилой России бросать этот упрек революции, правительство не смеет говорить о каких бы то ни было идеях». Бердяев предупреждал об опасности нового революционного якобинства, осуждал «революционизм хулиганского типа», но не отрицал саму революцию, предлагая управлять ее стихией и охранять от темных сил, разъедающих ее изнутри, чтобы «правда революции свершилась до конца» (Н.А. Бердяев. Революция и

культура. — «Полярная звезда», № 2, 15 декабря 1905 года).

Революция не нуждается в приукрашивании и идеализации. Ее оборотной стороны были гибель безвинных людей, уничтожение материальных и художественных ценностей, обострение криминогенной обстановки в стране. «Белый» террор провоцировал террор «красный», и наоборот, причем возникал какой-то порочный круг, в котором жертвы и палачи постоянно менялись местами. Нередко возникали вспышки национальной вражды на почве антисемитизма, взаимной неприязни азербайджанцев и армян и т.д., в разжигании которых активно участвовали и царские власти. Была своя грязная пена и в революционном движении, например, экспроприации, граничившие порой с уголовщиной и практиковавшиеся большевиками, эсерами и анархистами.

И все же у нас нет оснований как-то особо выделять первую российскую революцию по масштабам кровопролития, доктринальному фанатизму ее вождей или социальной и национальной агрессивности самих масс, участвовавших в борьбе. Особенно если не упускать из виду такие эпизоды западноевропейской истории, как казни Карла I в Англии и Людовика XVI во Франции, диктатуру Кромвеля и якобинский террор, а также расправу с парижскими коммунарами в 1871 году. Трудно сравнивать в этом отношении революцию 1905—1907 годов и с гражданской войной 1917—1922 годов в самой России, когда страна недосчиталась многих миллионов своих граждан, не говоря уже о страшных временах сталинских репрессий.

Хотелось бы также подчеркнуть, что в 1905 году царизм, пожалуй, впервые столкнулся со столь открытым и резким осуждением своей политики и со стороны демократии, и со стороны либералов, и со стороны правых, национально-патриотических сил, осуждавших Николая II за то, что он пасует перед напором внутренних «врагов России». Правительством по-своему были недовольны не только рабочие, крестьяне, интеллигенты, но и негодующие на анархию и снижение прибылей предприниматели, бегущие из родовых усадеб от «красного петуха» помещики, познавшие горечь национального унижения в русско-японской войне офицеры, недовольные мизерным жалованьем полицейские. И хотя применительно к России начала XX века трудно говорить о подлинно общенациональной революции, различия между консерваторами, либералами, революционерами и поддерживавшими их общественными слоями достаточно очевидны, ставить под сомнение глубокую «почвенность» и широту антисамодержавного движения в 1905—1907 годах не приходится.

Царизм проклинали не только Ленин и Троцкий, но и люди совсем иного склада. Один из высокопоставленных российских дипломатов, А. Гиро, записал, например, в дневнике в августе 1905 года: «Куда ни оглянешься, всюду мрак, нищета материальная и духовная, всюду беспорядок и отсутствие разумной и сильной власти, всюду людские жертвы. Когда и как выберется несчастная Россия из омута, в который ее ввергли ее правители?» — задавал он риторический вопрос («Исторический архив», 1993, № 4, стр. 89). Мысль о необходимости самых радикальных методов борьбы с самодержавием приходила в голову даже таким «тишайшим» интеллигентам, как С. Франк, который быстро эволюционировал в начале 1900-х годов от «легального марксизма» к либерализму и религиозной философии. По его мнению, после «Кровавого воскресенья» «единственным реальным нужным делом стала подготовка вооруженного сопротивления», «борьба с оружием в руках» (см. *К.Ф. Шацилло*. Указ, соч., стр. 326). Правда, сам Франк признавался в письме к своему другу П. Струве (март 1905 года), что не может ни стрелять, ни бросать бомбы, а потому решил на время вообще замолчать и не сотрудничать больше в журнале «Освобождение», но приведенные выше оценки этим либеральным деятелем общей ситуации в России говорят о многом. Поэтому тем, кто хотел бы сегодня устроить некий «суд» над революцией, следовало бы помнить, какой длинной оказалась бы скамья подсудимых и каких совершенно неожиданных персонажей мы бы на ней увидели.

Для общественных настроений 1905 года был характерен и совершенно неприемлемый для многих современных критиков революции взгляд на роль рабочего класса в жизни

общества. Ведь не секрет, что резкое падение общественно-политической активности рабочих в наши дни сплошь и рядом оборачивается скептически-негативным отношением к роли российского пролетариата и социал-демократии в прошлом, в том числе и в 1905—1907 годах. О гегемонии пролетариата (мы оставляем в стороне вопрос о том, насколько удачен был сам этот иноязычный термин, введенный в оборот российскими марксистами на рубеже XIX и XX веков) и Советах сейчас принято говорить лишь с усмешкой, тогда как для многих современников тогдашних событий роль рабочего класса как главной движущей силы революции, выразителя общедемократических интересов и стремлений, примера социально-политической активности и боевитости была совершенно очевидной.

Напомним в связи с этим слова, прозвучавшие в разгар всероссийской октябрьской политической стачки на учредительном съезде конституционно-демократической партии: «В эту великую историческую минуту поклянемся никогда не забывать той громадной роли, которую сыграл рабочий в нашем деле политического освобождения... Пойдем и дальше рука об руку с трудящимся народом» («Русские ведомости», 19 октября 1905 года). И хотя кадеты вскоре предпочли забыть об этих клятвах, факт остается фактом: в 1905 году пролетариат внес наибольший вклад в борьбу за ликвидацию самодержавного строя, полицейского произвола и социальной несправедливости, ставших к тому времени не просто анахронизмом, но и позором России.

Можно понять тех, кто идеализирует сегодня задним числом царские порядки: слишком много темных страниц было в нашей последующей истории, слишком многое из того, за что боролись люди в 1905 году, остается лишь на бумаге и до сих пор, слишком устал народ от постоянных экспериментов. Действительно, в революции было много утопического (напомним, что ни одна левая партия не смогла осуществить в 1905 году и десятой части своих программных требований), наивного, надуманного. Но давайте вспомним, как относился к событиям 1905—1907 годов великий русский писатель и мыслитель Л. Толстой, принципиально отрицавший революционные методы борьбы и не жаловавший, мягко говоря, революционеров (как, впрочем, и Столыпина), но признававший тем не менее, что революция делает немало полезной работы и «пропасть добра» (см. *А.Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 73*).

И СРАЗУ ЖЕ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ РЕВОЛЮЦИИ, и много позже, и в наши дни шли и идут споры о том, что лее принес 1905 год народу и России. Был ли он шагом вперед или историческим провалом, трагическим самообманом целой нации или попыткой национального возрождения, великой драмой народа или «праздником угнетенных»? Сразу же оговоримся, что ленинские слова о «празднике» признаются теперь публицистическим перехлестом даже большинством его почитателей, хотя ликование в день объявления царского манифеста 17 октября (и об этом красноречиво свидетельствует известная картина И. Репина) было всеобщим, а М. Горький сам был свидетелем бодрого, хорошего настроения у защитников московских баррикад в декабре 1905 года. Тем не менее остается вопрос о тех реальных сдвигах, которые произошли в ходе первой российской революции в положении народных масс, политической и интеллектуальной жизни страны, в самом облике различных групп ее населения. И историки должны дать на него ясный и честный ответ.

Несмотря на все зигзаги и огромные издержки, реформаторский процесс в России под влиянием форсмажорной революционной ситуации набирал темпы и принес в 1905—1907 годах — по крайней мере по российским меркам — немалые плоды. Создание законодательной Государственной думы и реформа Государственного совета, новая редакция Основных законов Российской империи, учреждение Совета министров как высшего органа исполнительной власти, начало осуществления столыпинской аграрной реформы, отмена выкупных платежей, предусмотренных реформой 1861 года, указ о веротерпимости, частичная политическая амнистия, восстановление автономии Финляндии, введение университетской автономии, разрешение создавать профессиональные союзы, сокращение сроков военной службы — таковы лишь наиболее

значительные мероприятия царского правительства в период революции.

Можно много говорить о запоздалости, непоследовательности и ограниченности этих преобразований, но трудно спорить с тем, что такого обширного пакета реформ и притом за столь короткий срок Россия никогда еще не получала и, не будь революции, наверное, не получила бы от своих царей. В итоге был сделан значительный шаг вперед по пути превращения России в правовое государство, о котором раньше российские либералы могли лишь мечтать. Несмотря на отсутствие специальных законов, регулировавших деятельность политических организаций, многопартийность де-факто стала важным фактором общественно-политической жизни страны (в общей сложности в период революции существовало около 60 общероссийских и национальных партий всех направлений — от ультрамонархического до ультрареволюционного). После того, как под натиском революции царю пришлось в октябре 1905 года «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы», российская демократия, пусть ненадолго, узнала наконец, что такое бесцензурная печать, вольное слово и настоящее народное собрание.

В известной мере было приостановлено в 1905 году и сползание основной массы трудящегося населения города и деревни к нищете (некоторое повышение заработной платы рабочих, снижение арендной платы за землю и т.д.), хотя коренного перелома здесь добиться не удалось.

Но особенно важным было то, что революция помогла народу хотя бы частично освободиться от унижительной рабской покорности власть имущим, обрести чувство человеческого достоинства, сознание своей социальной значимости, более уверенно смотреть в будущее. После 1905 года российское общество стало более динамичным и открытым, перед ним открылась реальная возможность нового подъема экономики и культуры.

Вместе с тем исторический путь России и после 1905 года оставался уравнием со многими неизвестными. Оправившись от шока, вызванного революцией, «верхи» могли забыть ее уроки и вновь встать на путь торможения реформ. Страна могла оказаться втянутой в большую войну европейского, а может быть, и мирового масштаба с поистине непредсказуемыми последствиями. Могли усилиться центробежные тенденции в разбуженных революцией 1905—1907 годов национальных регионах. К тому же революционные партии, потерпев поражение в первом открытом бою с самодержавием, сохраняли шансы на успех в случае нового обострения обстановки в стране и не намерены были отказываться от своих доктринальных установок.

Решение судьбы великой страны и ее народов оставалось еще впереди, но ясно было одно: плохо или хорошо — революция сделала свое дело, Россия стала иной и возврата к старому уже не будет.